

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

И. ГОРАК

П. И. ШАФАРИК И СЛАВЯНСКАЯ НАРОДНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

Павел Иосиф Шафарик — видный деятель чешского и словацкого национального движения первой половины XIX в., филолог и историк — многое сделал для исследования славянской народной словесности.

П. И. Шафарик родился в 1795 г. в г. Кобелярове (Словакия). Детство он провел в деревне области Гемера среди простого народа с его песнями и сказками. В евангелическом лицее в Кежмарке Шафарик уже серьезно увлекался поэзией и идеями славянской общности. В 1815—1817 гг. он учился в прославленном университете в Йене, по окончании которого до 1819 г. жил в Чехии и Словакии, где сблизился с Ф. Палацким и Я. Колларом.

Произведения английских искусствоведов, работы Гердера, поэзия Гете, славянское народное творчество укрепили в нем интерес к народной песне, первыми исследователями которой были немецкие романтики, прежде всего братья Якоб и Вильгельм Гримм. Издание «Слова о полку Игореве» (1800 г.) и первого сборника сербских народных песен, опубликованного Вуком Караджичем в 1814—1815 гг., явилось ярким свидетельством художественной одаренности славян, которых некоторые западноевропейские ученые пытались представить народами отсталыми и неполноценными. Росту интереса к славянству способствовала и деятельность выдающегося славяноведа Й. Добровского. В 1819 г. Шафарик переехал в Воеводину и занял место преподавателя и директора гимназии в Новом Саде. Несомненно, это было вызвано стремлением укрепить взаимное сотрудничество славян. Повлияло, видимо, и то, что в Новом Саде жил его друг — Карл Амброзы, сестра которого Юлия Амброзы стала впоследствии женой Шафарика.

В период педагогической и административной деятельности в Новом Саде Шафарик продолжал изучение славянской литературы. Он опубликовал два сборника словацких народных песен: небольшое собрание (13 песен) было напечатано в 1817 г. в журнале «Оригинальные произведения прекрасного искусства»¹.

Этапы работы Шафарика над вторым сборником — «Песни светские народа словацкого в Венгрии»² можно проследить по его переписке с

¹ «Prvotiny pěkných umění», 1817, № 1, ч. 1. Фотографии первоначального текста с заметками и описанием этого интересного собрания см. в работе: J. H o r á k, Slovenské piesne, Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, Bratislava, 1961.

² «Písňe svetské lidu slovenského v Uhřích», Praha, ч. I, 1823; ч. II, 1827.

Яном Колларом. Первая часть этого сборника (92 песни) вышла в 1823 г. с предисловием Коллара. Вторая часть, под редакцией Коллара, была издана в 1827 г. Предисловие Шафарика ко второй части сборника свидетельствует о том, что молодой автор уже тогда осознал необходимость точной паспортизации материала с указанием всюду, где только возможно, точного места записи текста («Песни светские народа словацкого», стр. XXIII). Шафарик обратил внимание на те виды народных песен, которые в то время не изучали, например «некоторые из так называемых жатвенных песен» (стр. XXV) и «переклички», т. е. песни, «которые поют в высоких, разделенных долинами горах, когда левиза на одной стороне начинает, а другая на противоположной стороне отвечает ей, и так через долину они переговариваются в песне» (там же). В комплексе семейных обрядов Шафарика больше всего интересовали свадебные песни, в детском фольклоре и молодежных увеселениях — игровые песни. В то же время Шафарик призывал собирать произведения всех фольклорных жанров, предполагая в дальнейшем опубликовать сводную работу о словацком фольклоре. Но этим планам не суждено было сбыться. Только в 1840-х годах последователи великого деятеля словацкого возрождения Штура занялись подготовкой такого издания.

В том же предисловии ко второй части сборника (стр. XXI) Шафарик сообщал, что будет издана и третья часть, уже подготовленная к печати, которая, однако, так и не вышла; лишь спустя семь лет (1834—1835) Я. Коллар опубликовал обширный сборник (2433 номеров песен) в двух частях. Кроме классических народных песен в сборник вошли и песни крестьянских поэтов, учителей, студентов, мелких дворян. Этим песням Шафарик не придавал должного значения, но они представляют определенную ценность для истории словацкой литературы.

Шафарик, как можно судить из его письма к Коллару и предисловия ко второй части сборника «Песни светские народа словацкого...», считал, что словацкие песни древнее чешских: «Чешские к словацким относятся как дочери или внучки к своим матерям»³. Шафарик хорошо понимал художественное и научное значение народной песни вообще и умел объективно о ней судить.

Нет необходимости в данном очерке говорить подробно об известной работе Шафарика «История славянского языка и литературы на всех наречиях»⁴. Хочется лишь отметить, что в этом обобщающем труде большое место отведено народной словесности, которую Шафарик, как и Нибур и другие историки его времени, считал источником для изучения древнейшей истории славян.

Во введении к «Истории славянского языка...» Шафарик писал: «Сборники народных песен, повестей и пословиц имеют необычайно важное значение для объяснения древнего и характеристики новейшего славянства. В народных песнях, особенно в старинных, которых у славян, вероятно, было больше, чем у любого из европейских народов, мы можем найти следы древности, имена славянских богов и исторических личностей; в них мы находим и чистейшее выражение всех народных нравов, обычаев и чувств, как в прежние времена, так и в настоящем».

Шафарик имел в виду прежде всего богатырские песни. Он был уверен, что любовь к песне — общеславянская черта. Принимая классификацию Гримма, он противопоставляет народной словесности

³ «Casopis českého musea», Praha, 1874, стр. 424.

⁴ «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», Офен, 1826

(«Naturpoesie»), источник которой сам народ,— литературу («Schulpoesie», или «Kunstpoesie»).

Изучая развитие народной словесности у отдельных славянских народов, Шафарик в III разделе своей книги отвел целую главу сербской литературе, которую охарактеризовал как литературу героических песен, сохранившихся благодаря Вуку Караджичу. Десятисложный силлабический стих Шафарик считал древнейшим из славянских, так как он преобладает в известной подделке — поэме «Либушин суд». Говоря о русской литературе, Шафарик указывал, что от периода 850—989 гг. не сохранилось ни одного памятника русского языка. «Несколько песен, в которых упоминаются языческие боги и богатыри времени Владимира, можно отнести именно к этому периоду, но в устной передаче эти песни подверглись многократным изменениям». Важнейшим поэтическим памятником следующего периода (989—1462 гг.) Шафарик считал богатырскую поэму «Игорь» («Слово о полку Игореве»), «отличающуюся смелостью, силой и характером мышления и выражения». Позднее свое отношение к «Слову» он выразил более развернуто. Так, в письме к Мацейковскому (1837) Шафарик писал: «Поэма „Игорь“ не может быть старше, чем события, в ней разбираемые, т. е. самое большее — 1200 г., однако неизвестный поэт включил в нее реминисценции старых народных песен, которыми он или старался прикрыть свою бедность, или же хотел погордиться. Поэма эта — не чистое произведение народного гения, она скомбинирована и залатана, но не менее от этого ценна... Во всем этом я совершенно уверен и не буду больше гадать и спорить»⁵.

В 1820-х годах, когда классицизм еще не утратил своего влияния, Шафарик обратил особое внимание на чешские подделки — Краледворскую и Зеленогорскую рукописи. Он встал в этом отношении на точку зрения Раковецкого, который во II томе своей работы «Русская Правда» (1820) поместил чешскую транскрипцию Зеленогорской рукописи, присланной А. Юнгманом.

Подробно о старочешских подделках Шафарик говорит в разделе о периодизации чешской литературы («История славянского языка»). Он считал Зеленогорскую рукопись несомненным доказательством того, что чешская дохристианская культура была намного выше, чем думали раньше, и не придавал большого значения критическим высказываниям Й. Добровского⁶, сомневавшегося в подлинности «Либушина суда». Можно сказать, что в «Истории славянского языка», в подробных библиографических сведениях о народных песнях, Шафарик отметил весь доступный в то время фольклорный материал.

После окончания «Истории славянского языка» Шафарик настойчиво продолжал исследования языка и литературы южных славян. В 1833 г. он приступил к обобщающей работе «Славянские древности»⁷. В предисловии к ней он выразил благодарность своему другу Палацкому, который дал ему «основную идею и план этой работы» и «помогал так, как при своем собственном труде». Палацкий в свою очередь в 1833 г. в письме М. Е. Пуркину⁸ писал, что ему доставляет большое удовлетворение исследование Шафарика о древнейшей истории славян.

⁵ «Slovanský sborník», III, 1884.

⁶ V. A. Francev, Korespondence P. J. Šafařika, Sbirka pramenů, Vydala Česká akademie, т. II, 1927.

⁷ «Slovanské starožitnosti», Praha, тт. I—II, 1836—1837.

⁸ См. «Slovanský sborník», V, 1886, стр. 185.

Рассмотрение работы «Славянские древности» не входит в задачу данной статьи. Попытаемся лишь проследить, в какой мере в ней проявились взгляды ученого на народную словесность. Среди источников «второго периода» (с конца V до конца X в.) Шафарик, как и в «Истории славянского языка» указывает «повести, песни, пословицы и язык», называя их «богатым источником славянских древностей»⁹, упоминает также «неоцененные памятники старочешской поэзии» — Краледворскую и Зеленогорскую рукописи. Не менее ценными Шафарик признает сборники пословиц, которые «являются гораздо более древними, чем кажется на первый взгляд, и дают материал, важный не только в этнографическом, но и в историческом и мифологическом отношении»¹⁰.

Для Шафарика главным было научно доказать автохтонность славян в Европе. Поэтому он в «Славянских древностях» приводит многочисленные аналогии в мифологии и обычаях славянских народов, с одной стороны, и латинских, греческих, германских, кельтских — с другой. Он рассматривает также вопрос о древнейших письменных источниках славян. Его внимание привлек прежде всего русский летописец Нестор (1056—1114), который, по мнению Шафарика, черпал свои сведения из народных повестей и песен, так как устная традиция каждого самостоятельного народа старше письменной. В народных повестях и песнях можно найти сведения о глубокой древности. Так, в произведениях с отголосками языческой мифологии — «повествовательных» русских песнях говорится о событиях времени Владимира (1015), в сербских песнях — о событиях XIII—XIV вв. «В том, что такие песни возникали сразу после определенного события, когда еще свежа память о нем, не может сомневаться тот, кто знаком с духом народной поэзии, а примеры, которые у нас в руках, прямо об этом говорят», — писал Шафарик. По его мнению, из таких источников Нестор черпал сведения для своей летописи, носящей явные следы народных преданий. Шафарик полемизирует с А. Л. Шлецером и И. Добровским, которые «...все, что в летописи Нестора не входило в систему их построений, сейчас же объявляли баснями и легендами или позднейшими вставками. Оба эти гиперкритика хотели видеть летопись Нестора такой, как они сами для своего времени ее написали бы»¹¹. «Если бы было выброшено из летописи Нестора все то, что кому-либо казалось подделкой или более поздней вставкой (например, договоры русов с Царьградом), думается, что в конце концов от летописи мало что осталось бы. Каченовский, Сенковский и их сторонники, если не более рассудительно, то более последовательно отвергают всего Нестора как bestolkovou болтовню монахов XIV—XV вв.»¹²

Точка зрения Шафарика на старые летописные источники сходится со взглядом Нибура, который у Ливия искал следы древних народных преданий и вопреки скептикам XVIII в. требовал, чтобы критика осторожной рукой отстраняла напластования веков и старалась восстановить первоначальную картину. Шафарик был уверен в том, что «почти все старославянские летописи носят явные следы старославянских исторических песен. Из этих источников черпали Константин Багрянородный, польские хронисты Галл и Кадлубек о Краке, Ванде, Лешке и др.

⁹ «Sebrané spisy P. J. Šafařika», K vydání upravil Josef Jireček, «Slovanské starožitnosti», т. I, Praha, 1862, стр. 27.

¹⁰ Там же, стр. 26—27.

¹¹ «Slovanské starožitnosti», т. I, стр. 258.

¹² Там же, стр. 250

В 1830-х годах, когда Шафарик работал над «Славянскими древностями», крупных сборников народных славянских песен было мало, однако Шафарик вслед за Гриммом считал, что и в древности славяне, особенно слой наиболее образованных и искусных певцов, пестовали высокую народную поэзию. «Когда же славный патриот Петр Васильевич Киреевский выпустит в свет богатеишее собрание русских былин и песен, содержащих бесценный клад народной поэзии, о многих вещах, о которых мы имеем лишь туманное представление, мы сможем судить с большой точностью и уверенностью»¹³.

Раздел, посвященный анализу скандинавских повестей о вендах, в котором рассмотрена обширная немецкая и скандинавская литература, заканчивается выводами о наличии двух родов «народных повестей, или сказок» (Volkssagen): мифологических, или сказочных (Göttersagen), и исторических или эпических (Heldensagen, historische Sagen). Источник мифологических повестей — вера в сверхъестественные существа, в богов, тогда как повести исторические отражают памятные события человеческой жизни. И те и другие являются поэтическими жанрами, но правильное критическое толкование их может пролить свет на историю. Историческую повесть раньше относили к жанру мифологическому: исторические лица постепенно превращались в героев или полубогов, а сама повесть становилась мифологической. Напротив, в мифологической повести порой исчезали элементы сказочности, появлялись черты действительных событий — так возникла историческая повесть¹⁴. Классификация Шафарика отражала состояние науки того времени, особенно взгляды Гримма, но основные ее положения, например о соотношении исторической и мифологической повести, верны и сейчас.

В следующих разделах работы «Славянские древности» Шафарик подвергает исследованию древнейшие польские и чешские повести. Он критикует некоторые польские источники, в особенности Кадлубека, и напоминает, что история не должна основываться только на данных народных повестей. Последние имеют значение, если они древние и хорошо сохранились, однако единственным источником истории быть не могут.

Шафарик считал Крака, Ванду, Лешека, Пяста историческими личностями, но указывал, что в первоначальные исторические повести о них проникли сказочные черты. По его мнению, поляки также имели свои богатырские песни. Что касается древней чешской истории, то после Само более чем 150 лет (вплоть до 800 г. н. э.) о чехах нет никаких сведений. Этот пробел, по мнению Шафарика, заполняют «народные повести и сказки», сохранившиеся частично в отрывках старого чешского эпоса (Зеленогорская рукопись), частично в записях старинных чешских хронистов — Козьмы, Далимила и др.¹⁵. Эти повести «простотой своей и внутренней правдоподобностью, — писал Шафарик, — стоят гораздо выше других повестей того же рода»¹⁶. Он резко критиковал сказки В. Гайка из Либочан, который, например,

¹³ «Slovanské starožitnosti», т. I, стр. 267. Имеются в виду «Песни, собранные П. В. Киреевским», ч. 1—3, М., 1860—1874.

¹⁴ «Slovanské starožitnosti», т. II, стр. 166—167. Ср. F. J. Mone, Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Heldensage, 1836.

¹⁵ «Slovanské starožitnosti», стр. 438.

¹⁶ Там же. Ср. высказывание Зденека Неедлы: «Это не случайное собрание повестей, а связанная по содержанию и исторически последовательная цепь повестей, дающих в целом связное изложение истории чехов с древнейших времен...» (см. его статью «Staré pověsti české», «Knihovnička Varu», т. 47, Praha, 1953, стр. 12).

о преемниках Пржемысла многое черпал «из какого-то сверхъестественного откровения»¹⁷.

Интерес Шафарика к народной прозе ограничивался главным образом исторической повестью, анализ которой он считал необходимым для правильного понимания древнейшей истории славянских народов. Шафарик и здесь проявил не только глубокое знание материала и литературы, широкую эрудицию, но и критический ум, осторожность суждения. Его основной тезис о связи исторической и мифологической повестей признают в известной мере и современные исследователи. Историческая повесть показывает, как народ рассматривал определенную эпоху, отдельные события, личности, тем самым эти повести становятся ценными источниками для познания мировоззрения народа.

После окончания работы над I томом «Славянских древностей» Шафарик приступил к обработке обширных материалов о нравах, обычаях, обрядах славянских племен, намереваясь издать II том¹⁸. Однако он понимал, что дать серьезный обобщающий труд по народной словесности можно только после большой предварительной разработки отдельных проблем. Поэтому Шафарик посвятил несколько работ славянской мифологии и в течение ряда лет занимался изучением народной поэзии.

В 1833 г. Шафарик опубликовал статью «Славянские народные песни». Во введении он писал: «Двадцать лет назад у славян еще не было ни одного сборника оригинальных народных песен, ибо так называемые русские песенники содержат только сложенные профессиональными поэтами и лишь впоследствии ставшие народными песни; хотя иногда туда попадают и некоторые подлинно народные песни, все же сборники эти считать народными нельзя»¹⁹. К моменту написания этой статьи славянским народным песням было уже посвящено более 20 различных сочинений и сборников (в оригинале или в переводах). Шафарик был уверен, что это объясняется ценностью славянского народного поэтического творчества, а не только «жаждой нового», модным увлечением.

За границей оценивали славянские народные песни, особенно сербские, только с художественной точки зрения, Шафарик же считал, что они важны еще и во многих других отношениях, а именно как верное зеркало нашего народа, всех сокровенных сторон его жизни, как чистейший источник и незаменимый помощник для познания отдельных говоров богатого и широко распространенного славянского языка и, наконец, как памятник быта наших предков, содержащий не только драгоценные сведения по истории и мифологии²⁰. Шафарик сожалеет далее, что в прошлых столетиях на народную поэзию обращали мало внимания и многое утрачено. Он призывал усилить собирательскую работу, собирать все, что еще сохранилось, а критику этого материала предоставить будущим ученым.

В этой же статье Шафарик дал краткую оценку четырем сборникам. Это: 1) IV том известного сборника «Народне српске пјесме», автор которого Вук Караджич, как пишет Шафарик, дал пример того, как надо внимательно собирать и издавать народные песни; 2) сборник Симы Милутиновича «Пјеванија црногорска и херцеговачна», изданный М. Милвуком; 3) сборник Вацлава из Олеска «Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego», заслуживающий, по мнению Шафарика, всяче-

¹⁷ «Slovanské starožitnosti», т. II, стр. 440.

¹⁸ Работа над II томом «Славянских древностей» так и не была завершена.

¹⁹ P. J. Šafařík, Slovanské narodní písně, «Časopis českého musea», 1833, стр. 445.

²⁰ Там же, стр. 446.

ских похвал; однако помещение в него песен, сложенных профессиональными поэтами, Шафарик считал большим недостатком; 4) «словенский сборник», изданный М. Ахацелом, представляющий, по мнению Шафарика, пример «небрежной бесплодной пачкотни некоего полунежестественного ткача».

Шафарик не мог сам тщательно изучить все эти сборники и вынужден был ссылаться на выводы других исследователей; он указывает, что всесторонний анализ народной славянской поэзии, «единственного и не знающего примера явления в новоевропейской литературе», требует более широкого понимания и лучших условий, чем те, в «которые нас непреодолимая власть состояния вещей заковала». Отмечая, что за последние десятилетия число сборников славянских народных песен удвоилось, он обещал, как только будет возможно, дать и другие библиографические списки с тем, чтобы был составлен общий перечень всей «народнославянской литературы». Этого обещания Шафарик, несмотря на его живой интерес к народной словесности, выполнить не смог, так как условия его научной работы были очень тяжелы.

Письма Шафарика Бодянскому, Погодину, Срезневскому, польскому другу Мацейовскому, своему племяннику Яну Шафарiku в Белград содержат вопросы о народных песнях, просьбы присылать новые сборники. Следя за развитием работы в области народной словесности, Шафарик стремился к тому, чтобы важнейшие славянские сборники были правильно изданы и стали пригодны для пользования ими в научной работе.

Параллельно с исследованием народной поэзии Шафарик продолжал заниматься изучением славянских языков. Он установил границы распространения современных славянских языков и издал этнографическую карту славян с приложением, обобщавшим результаты почти 25-летней работы. Его «Славянская этнография» вышла в 1842 г.²¹ и имела успех. В том же году вышло второе издание работы. Приложение, данные автором, облегчая чтение карт, вместе с тем содержали «Обзор народов славянского племени на 1842 год» и «Образцы славянских языков». В качестве образцов были даны народные песни, примеры крестьянского разговорного языка, 40 подлинных текстов (в латинской транскрипции) с краткими лингвистическими примечаниями. Во введении Шафарик указывал, что «при определении ареала распространения языков и наречий в районах со смешанным населением обращалось внимание на язык простого народа, т. е. деревенских жителей, как на самобытный и более устойчивый, а не на язык горожан, часто приезжих...»²². Здесь также проявилось влияние взглядов Грима, который считал крестьянство носителем народных преданий. Эта небольшая антология народных славянских песен содержала преимущественно неизвестные песни, например галичские колядки из собрания Вагилевича, хорватскую лирику, которую собрал во время своих путешествий И. И. Срезневский, и др. С точки зрения словесности, это были ценные образцы, свидетельствующие о тонком художественном чутье Шафарика. Была приведена, например, песня «Почему, калина, в овраге стоишь?» — одна из старейших чешских песен, известных еще в средневековье.

«Славянская этнография» оказалась единственной крупной публикацией по материалам, подготовленным Шафариком для следующего тома «Славянских древностей».

²¹ «Slovanský národopis», Praha, 1842. О значении этой работы для истории чехословацкой этнографии см.: J. Hořák, Národopis československý, Přehledný nástin, «Československá vlastivěda», II, Praha, 1936, стр. 339.

²² P. J. Šafařík, Slovanský národopis, 2-е изд., Предисловие, стр. V—VI.

Кроме народных песен Шафарик занимался также славянской мифологией и издал несколько статей. В 1840-х годах он занимался историей славянских литератур, готовил к печати свои собрания старинных южнославянских памятников письменности, собирал материалы к исторической карте южных славян (сербов и болгар). Зимой 1845/46 г. внимание Шафарика привлекала славянская этимология и другие вопросы из области языкознания. В 1847 г. он готовился к путешествию в Венгрию и Белград. Несмотря на такую многогранную деятельность, Шафарик тогда же, в 1840-х годах, уделял много внимания подделкам старочешского эпоса — Краледворской и Зеленогорской рукописям, главным образом «Либушину суду», в подлинности которого усомнились Добровский и венский славист Копитар. С конца 1830-х годов Палацкий и Шафарик, два крупнейших в то время чешских историка и языковеды, готовили обобщающий труд, который вышел в 1840 г. под названием «Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache» в публикациях Королевского чешского общества наук и отдельным изданием. Метод разработки материала привлек внимание европейских научных кругов и вызвал дискуссию, которая началась в 1850 годах. Ю. Фейфалик и М. Бюдингер выступили с критикой, Я. Гримм же сразу, в 1840 г., в письме Шафарику выразил удовлетворение его методом²³.

Шафарик пытался доказать, что «Либушин суд» по стилю напоминает народные песни других славянских народов, которые черпали из общего источника — древнейшей народной поэзии. Возражая Добровскому, указывавшему на слишком высокий культурный уровень «Либушина суда», Шафарик и Палацкий писали, что древнюю чешскую культуру нельзя представлять только на основании хроник Козьмы. По их мнению, наряду с хрониками существовала и другая письменная традиция, и традиция сказителей. Подробнее Шафарик высказывался о подделках, особенно о «Краледворской рукописи», в известном предисловии к книге И. М. Туна²⁴.

Шафарик был уверен в том, что все поэмы Краледворской рукописи, эпические и лирические, являются народными произведениями, так как их форма, образы, лексика, ритм и размеры сходны с песнями родственных народов — сербов, болгар, украинцев.

Именно эпические поэмы Краледворской рукописи он считал произведениями одаренных певцов из народа, которые черпали свой материал не из бумаг или хроник, а непосредственно из жизни, и перерабатывали его в соответствии со своей народной поэтической традицией. Тем самым определяется время возникновения поэм: они не могут быть моложе тех событий, которые воспевают.

В том же предисловии к книге И. М. Туна Шафарик говорит о ритме и размере рассматриваемых произведений, сравнивает их с сербскими и украинскими песнями и приходит к выводу, что десятислоговый хорей характерен для славянских героических виршей²⁵. Анализом художественных достоинств Краледворской рукописи Шафарик не занимался, так как не считал себя достаточно компетентным для этого.

²³ Гримм писал, что со стороны палеографической здесь нет возражений; прежде его останавливал необычный способ нахождения фрагментов, теперь его сомнения отпали. Шафарик дорожил этим письмом Гримма и перед смертью отдал его проф. В. В. Томку для передачи в музей. См. J. Jíreček, O nejnovějších námitkách proti pravosti našich starých pámatek, «Časopis českého musea», 1878, стр. 119.

²⁴ I. M. T u n, Gedichte aus Böhmens Vorzeit, Praha, 1845, стр. 3—40.

²⁵ Там же.

Мы умышленно остановились на содержании этой работы Шафарика о героическом эпосе, ибо ход его рассуждений в методическом отношении точен, интересен с точки зрения науки, остроумен. И хотя теперь ясна подделка Краледворской рукописи, введение, написанное Шафариком, имеет значение не только для истории изучения славянской народной поэзии, но важно постановкой ряда исторических проблем.

Отношение Шафарика к мнимым старочешским памятникам объясняется, по-видимому, чисто психологически. Он вырос в то время, когда ведущие историки (Нибур) и исследователи народной поэзии (Я. Гримм) были уверены в том, что средневековые хронисты черпали свои сведения о древней истории прежде всего из героических былин, которые складывались и пелись талантливыми народными сказителями. Шафарик был знаком с героическими песнями германских и славянских народов и с чешскими старинными легендами о приходе Чеха, о Крое и его дочерях, об основании государства и т. д.; это было для него свидетельством того, что и чехи имели богатырские былины о важнейших событиях своего народа. Всестороннее и глубокое изучение славянской истории и древностей привело Шафарика к мысли о том, что уровень древней славянской цивилизации и культуры был гораздо более высоким, чем считали Карамзин, Каченовский, Шлецер, Добровский и др. Поэтому Шафарик — знаток древней истории — и мог признать за подлинные те произведения, которые говорят о высокой культуре славянских племен.

Таким образом, в многогранной научной деятельности Шафарика народная поэзия занимала большое место. Она была для него доказательством наличия художественного таланта у славянства в целом. Вместе с тем критичность и трезвый реализм не оставляли Шафарика при изучении народной поэзии. Если он был убежден в своей правоте, то без колебания выступал даже против Я. Гримма, которого высоко ценил как замечательного исследователя²⁶. И хотя Шафарик в письме к своему польскому другу Мацейевскому, упоминая о прильвицких подделках, упрекает Гримма в том, что тот высказывался за их подлинность, добавляя: «Голос Гримма для меня в отношении славян (in slavies) ничего не значит...»²⁷, — все же это не означает, что Шафарик умаляет значение Гримма. В своей известной речи на торжественном собрании Венской Академии 2 февраля 1848 г. он блестяще доказал мировое значение работ Гримма, вопреки высказываниям Гаммер-Пургсталла и Ауэра.

С большой ответственностью относился Шафарик к воспитанию молодых научных работников, обнаруживая правильное понимание наиболее актуальных проблем. Своему другу и ученику О. М. Бодянскому Шафарик в 1843 г. предложил готовиться к университетским лекциям так: «Я бы на Вашем месте читал историю славянской литературы (обзорно), сравнительную грамматику только в сочетании с польским, сербским и чешским языками, с изложением некоторых лучших произведений, например Краледворской рукописи, сербских, иллирийских поэм, а в подробный разбор наречий больших и малых не углублялся бы»²⁸. Он просил также молодых русских славистов (Бодянского,

²⁶ «Гримм — великан, орел, при изучении работ которого теряешь мужество и терзаешься мыслью о том, что не можешь следовать ему, сравниться с ним», — писал Шафарик в письме к своему русскому другу П. И. Кеппену (см. V. A. Францев, Указ. раб., т. I, стр. 350, от 23 мая 1826 г.).

²⁷ «Slovanský sborník», т. III, 1884, стр. 483.

²⁸ См. V. A. Францев, Указ. раб., т. I, стр. 37 (письмо от 31 декабря 1843 г.).

Прейса, Срезневского) подготовить учебники для высшей школы, в том числе и антологию славянских народных песен. Шафарик очень добросовестно относился к сбору полевого материала. В письме Бодянскому он писал: «В Вене и т. д. собрано достаточно мертвых ученостей, но народы славянские, их языки, наречия, диалекты, нравы, обычаи остаются непознанными... В Среме, в Иллирии в маленьких городах, деревнях, монастырях и т. д. откроется для Вас поле, в котором Вы сможете для будущей своей надобности собрать что-то иное, чем в полуистлевших рукописях...»²⁹. Бодянскому в то время мешала выехать из России болезнь; И. И. Срезневский же, последовав совету Шафарика, проявил большие способности и добился хороших результатов; в письме к Погодину Шафарик писал: «Срезневский прекрасный исследователь и собиратель того, что нужно: диалектов, нравов, обычаев, песен и т. д.»³⁰.

Давая советы, Шафарик не стремился «насиленно открывать глаза людям», но пытался помочь им искать истину, если они хотели и умели ее найти³¹. Он никогда не думал о славе, почете и признании, всем своим поведением подтверждая слова: «Пророк в пустыне, голос которого звучит и пробуждает духов от сна смерти,— это мой идеал». Он достиг своей цели, многое сделав для пробуждения национального самосознания славян. Работы Шафарика по истории славянской филологии оказали большое влияние на развитие славяноведения.

В европейской исторической науке XIX в. Шафарику принадлежит одно из самых выдающихся мест. Его классическое исследование о древнейшей истории славян («Славянские древности») поражает не только обилием рассмотренного материала, но и тщательным его анализом, и поныне сохраняет свое значение.

SUMMARY

The article deals with the work of P. J. Šafařík — that prominent figure in the national movement of the Czechs and Slovaks in the first half of the 19th century. A philologist and historian, Šafařík made an important contribution to the study of Slav folklore.

²⁹ См. В. А. Гранцев, Указ. раб. т. I, стр. 27 (письмо от 31 октября 1838 г.).

³⁰ Там же, т. II, стр. 638 (письмо от 7 мая 1841 г.).

³¹ Письмо Мацейковскому (1836 г.), «Slovanský sborník», т. III, 1884, стр. 416.